

**УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ:
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ
(МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)**

.....

21 апреля 2011 г. на факультете управления и психологии Кубанского государственного университета в рамках Недели науки состоялся круглый стол «Угрозы безопасности личности: экспертная оценка и психологические аспекты защиты личности».

Организаторы семинара: кафедра психологии личности и общей психологии, кафедра социальной психологии и социологии управления, лаборатория психологии безопасности личности, НИИ социально-гуманитарных проблем КубГУ. В работе семинара приняли участие психологи с опытом экспертной работы и специалисты в области судебных экспертиз различного профиля из Украины, Адыгеи, Ростова-на-Дону, Краснодара и других городов Краснодарского края.

Доклады были посвящены различным аспектам проблемы безопасности личности. Участники отметили, что глобализация, технологизация и одновременно с этим сложное социально-экономическое, религиозное и политическое расслоение создают условия для высокой межнациональной, межгрупповой и межличностной вражды, что в свою очередь отражается в индивидуальном сознании личности как ощущение угрозы, опасности и формирует различные защитные и деструктивные формы поведения.

Были выделены различные факторы, влияющие на сознание и саму социальную жизнь человека: сетевой терроризм; тоталитарные секты; собственно социально-экономическая политика, которая отчасти или в целом содействует психологической дестабилизации личности. Отмечено, что современный мир — это часто мир «сконструированный» СМИ. Мир, в котором социальному субъекту еще нужно уметь «разместить» свою субъектность так, чтобы ему (субъекту) было безопасно, а другим субъектам рядом с ним неопасно.

Отдельной темой стало обсуждение проблемы социально-психологической и лингвистической экспертизы тех агентов (продуктов), которые несут в себе агрессивный или экстремистский заряд. Участники дискуссии поделились опытом и секретами своей работы в области судебно-психологической и психолингвистической экспертизы. Интересным и сложным оказался вопрос об определении морального вреда в гражданском судопроизводстве.

Безусловно, что актуальной становится проблема подготовки специалистов, готовых к различного уровня экспертизам в областях и профессиях, обеспечивающих безопасность личности. Здесь участники обменялись мнениями о специфике подготовки студентов-психологов к экспертной деятельности с использованием полиграфа.

В ходе обсуждения был рассмотрен ряд конкретных психологических состояний личности, провоцирующих деструктивное поведение или, наоборот, спровоцированных социальной ситуацией. Здесь обозначены такие феномены, как протестное поведение подростков и молодежи; социальный интеллект; социальное неблагополучие граждан пожилого возраста; отдельные виды профессиональной деятельности.

Безусловно, не на все вопросы были получены ответы. Центральные понятия данного исследовательского поля «безопасность», «психология безопасности», «психологическая безопасность» и др. находятся в стадии операционализации и понимаются скорее в контексте языкового или социально-политического объяснения. Однако все участники отметили, что пока теоретико-методологическое осмысление находится на этапе дискуссии (примером которой отчасти выступило содержание докладов семинара), необходимо продолжать практическую разработку технологий, снижающих угрозы или их последствия для личности.

Участники обсуждения:

Фоменко Галина Юрьевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета;

Дёмин Андрей Николаевич — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета;

Тесля Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Сочинского государственного университета туризма и курортологии;

Шуванов Игорь Борисович — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей психологии и социальной коммуникации Сочинского государственного университета;

Землянская Елена Владимировна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, менеджмента, социальных и информационных технологий Харьковского национального университета внутренних дел;

Ковалева Людмила Васильевна — заведующая отделом судебной психологической и лингвистической экспертизы Краснодарской лаборатории судебной экспертизы Минюста РФ;

Сухих Станислав Алексеевич — доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета;

Таганова Анна Александровна — кандидат психологических наук, доцент Краснодарского университета МВД;

Макаревская Юлия Эдуардовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и социальной коммуникации Сочинского государственного университета;

Гусейнов Александр Шамильевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма;

Цергой Тереза Александровна — кандидат психологических наук, доцент Адыгейского государственного университета;

Сокур Елена — кандидат филологических наук, доцент Адыгейского государственного университета;

Шиповская Виктория Владимировна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной и клинической психологии Института экономики и управления в медицине и социальной сфере (г. Краснодар);

Щербакова Елена Алексеевна — начальник научно-исследовательской лаборатории филиала военного научно-учебного центра ВВС «Военно-воздушная академия» им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина;

Мальчинский Федор Валентинович — начальник научно-методического отдела филиала военного научно-учебного центра ВВС «Военно-воздушная академия» им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина.

Первой выступила **Г. Ю. Фоменко (Угрозы безопасности личности со стороны тоталитарных сект: социально-психологический анализ)**: Начну с попытки прояснения и определения понятий «тоталитарность», «деструктивность» и «секта», поскольку это во многом сразу же проиллюстрирует важность именно социально-психологического анализа данного явления — деятельности тоталитарных сект.

Когда говорят о тоталитарной группе, то обычно понимают объединённое общим мировоззрением, ритуалами и образом жизни сообщество, для которого характерен абсолютный контроль властвующей верхушки над всеми об-

ластями личной жизни отдельных индивидуумов. Можно утверждать, что сторонники тоталитаризма стремятся переопределить и поставить под контроль все сферы социальной жизни (образно говоря, от представлений об устройстве мироздания до способа чистки зубов).

При этом подчеркнем, что если тоталитарные движения первой половины XX столетия исходили из последовательности «изменение мира — изменение человека», то тоталитаризм конца XX — начала XXI в. основывается на последовательности «изменение человека — изменение мира». Прежние тоталитарные движения апеллировали, как правило, к коллективным мифам и к большим социальным группам, современные — основной упор делают на захват психологического пространства личности и малых социальных групп и важнейшим фронтом своего наступления избирают базовую структуру «основной реальности» («основного общества») — реальность повседневной жизни.

Деструктивный характер тоталитарных сект состоит прежде всего в том, что в результате целенаправленного влияния на их приверженцев и последователей у последних полностью подавляется прежняя личностная идентичность, разрушаются все прежние социальные связи. Адепту группы внушается негативистское отношение ко всему внегрупповому социуму. В тоталитарных сектах активно культивируется «образ врага» в дихотомии «мы — они». Стремление найти причину существующих проблем во внешней ситуации может привести к обвинению социальных институтов и других единиц общества, что в свою очередь может актуализировать стремление к уничтожению врага. В подобных призывах и конкретной деятельности таких сект содержится реальная угроза для общества.

Важным аспектом в отношении заявленной нами темы, является, в частности, то, что лидерами деструктивных культов для реализации своих целей берутся на вооружение достижения современной психологии. В своих организационных формах они мимикрируют под психологические тренинги личностного роста, тренинги по менеджменту и т. п. А это наносит ущерб как безопасности граждан, так и психологической практике, а также репутации психологии как науки.

Отмечу, что учеными Института Гэллага (США) разработан ряд правил, которые призваны помочь в определении, является ли секта тоталитарной. Проанализированы также психические негативные последствия пребывания сознания личности под культовым контролем, которые в то же время служат индикаторами деструктивности секты (19 позиций).

Мы считаем, что причины широкого распространения многообразных деструктивных культов и интенсификации их деятельности в настоящее время отчасти заложены в самом постиндустриальном обществе с его интенсификацией информационных и культурных сообществ. Все это создаёт условия для бегства большинства своих граждан в те или иные группы, которые за-

щищают рамками своих простых, но законченных и целостных мировидений от всё нарастающего давления внешней информации. Примерами таких групп могут быть панки, рокеры, болельщики, толкиенисты, политические партии и т. п. Речь идёт об особой форме групповой психозащиты, которая может рассматриваться как попытка конституционально и культурно схожих индивидуумов совместно защититься от размывающих и дезориентирующих их культурных влияний.

Наиболее антисоциальным и имеющим тенденцию к перманентному росту вариантом такого рода групповой психозащиты являются тоталитарные секты. Каждая такая группа имеет свою символику, свою ритуалистику, свой свод нравственных правил, свою систему наказаний и поощрений. Однако тоталитарные секты, в отличие от рокеров, металлистов и т. п., опасны прежде всего тем, что при их создании целенаправленно используется целый комплекс приёмов суггестивного, программирующего воздействия, что создаёт условия для количественного и имущественного разрастания секты, подобно раковой опухоли.

В заключение акцентирую внимание на том, что потенциальной группой риска является в первую очередь молодёжь, в адрес которой и следует направлять большинство профилактических мероприятий.

А. Н. Дёмин (Социальные риски и проблемы, связанные с притязаниями молодых людей): Не секрет, что экспертиза социально-экономических решений в нашей стране осуществляется без учёта их психологических предпосылок, механизмов реализации и последствий. Среди прочих причин такого положения дел выделим следующую: психологи редко пытаются найти ответ на вопрос о том, как психологическое взаимодействует с социальным, экономическим и какие феномены наиболее явно воплощают это взаимодействие? С нашей точки зрения, поиск ответов на данный вопрос в плоскости макропсихологического анализа весьма перспективен. Приведу такие факты. За последние 20 лет наблюдалась неуклонно возрастающая конвергенция показателей сферы высшего образования с притязаниями молодёжи на получение высшего образования. В рамках этой конвергенции притязания выступили *ведущим*, провоцирующим началом. Как показывает анализ литературы, их высокий уровень сформировался ещё в советский период, а после шоковых реформ, освободившись от сдерживающих социальных скреп, они повели за собой высшую школу, выступили тем рубежом, на который та стала ориентироваться и к которому стала неуклонно и с ускорением приближаться весь постсоветский период.

В 2008 г. произошло резкое изменение социально-экономических условий (начало финансово-экономического кризиса), это привело к ухудшению ситуации на рынке труда, инициировало ужесточающуюся политику государства в сфере профессионального образования. На первый взгляд соотношение

карьерных притязаний молодёжи и показателей социально-экономической сферы в новых условиях должно поменяться, однако этого не произошло. В 2009-2010 гг. конвергенция психологического и социально-экономического завершилась, более того, показатели институциональной доступности высшего образования стали перехлёстывать притязания молодых людей.

Имеются ли социальные риски в свершившейся конвергенции притязаний и доступности высшего образования?

Полагаем, что подобное положение вещей деструктивно и для самой высшей школы, и для экономики. За последние 20 лет в недрах высшей школы сформировался новый, внутренне противоречивый и достаточно массовый тип молодого человека, выходящего на рынок труда. В этом типе сочетаются: иллюзия лёгкости достижения целей; амбициозность при отсутствии на рынке труда возможностей для полноценной реализации амбиций, как следствие — обесценивание полученной квалификации, имеющихся притязаний и фрустрированность; развитие на этом фоне цинизма, трудовой гипермобильности. С такими характеристиками человеческого капитала обеспечить многократный рост производительности труда к 2020 г. проблематично.

Какие уроки могут быть извлечены из результатов проводимого исследования?

Во-первых, это необходимость переосмысления государственной политики в сфере образования. В постсоветский период в рамках так называемого рывка к свободе государство отказалось от регулирования рынка труда и, следовательно, образования, а работодатели никак не обозначили себя в образовательной политике. По этой причине механизм социально-профессионального отбора и восхождения оказался в поле воздействия преимущественно одной силы — молодых людей и стоящих за ними домохозяйств с их социальными, финансовыми и прочими ресурсами и амбициями. Соединение с встречным вектором деиндустриализации всей страны дало оглушающие эффекты. В частности, мы продолжаем терять среднее профессиональное образование (для молодых людей оно, как правило, становится ступенькой для получения высшего образования, и наши данные это отчётливо демонстрируют).

Но молодёжь и стоящие за нею домохозяйства не могут быть ведущими субъектами образовательной политики — у них слишком узкий социальный кругозор. Очевидно, что роль государства и бизнеса в регулировании процессов учебной занятости должна быть более весомой. Если говорить о государстве, то оно уже пытается робко осуществлять данную функцию (попытки сократить число вузов, перераспределение бюджетных квот между специальностями, желание сместить акценты с высшего образования на развитие начального и среднего профессионального образования — тому пример) и её дальнейшее усиление неизбежно. Вопрос заключается в формах, темпах и системности реализации данной функции. С одной стороны, время уже упущено,

реиндустриализацию и модернизацию силами бухгалтеров, юристов, менеджеров, дизайнеров и других популярных профессий высшей школы осуществить невозможно. С другой стороны, наверняка мы увидим разнообразные способы сопротивления со стороны домохозяйств и вузов, и победитель в этой борьбе в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе не очевиден.

Во-вторых, на материале сферы образования можно утверждать: противоречие между личными (индивидуальными) и социальными интересами в условиях российских реформ не может решаться в пользу личного, по крайней мере, в прежних формах. Это не вполне укладывается в идеологию «индивидуальных свобод» и установку на либерализацию социально-экономических отношений, что создаёт немалую проблему для власти, которая, получается, сама себе выстроила институциональную ловушку. Скорее всего, выход из данной ловушки будет сопряжён с различными временными и социальными издержками. Потребуется специальные усилия, чтобы избежать, например, безработицы среди преподавателей высшей школы, уже сейчас находящихся в ситуации ненадёжной работы, психологические эффекты которой далеко не самые благоприятные.

В-третьих, вызревающая проблема — если государство будет последовательным в регулировании сферы высшего образования, то весьма тяжёлой будет адаптация молодёжи и их семей к новой ситуации, в которой реализация образовательных притязаний невозможна в прежних объёмах. Способны ли государство и бизнес обеспечить приемлемые, привлекательные места обучения в средней и начальной профессиональной школе, которые могут прийти на замену высшей школе? Пока мы не видим ясной стратегии в этом направлении. Не исключено, что в обортке высшей школы население в дальнейшем будет получать не высшее, а среднее профессиональное образование.

С. Н. Тесля, И. Б. Шуванов (К вопросу о месте психологической модели безопасности социального субъекта в структуре субъектности): Начнем свое сообщение с того, что понятие «социальный субъект» введено в ход рассуждений с целью кодифицировать особенности *позиции*, приемлемой для производства «сценария» жизни, базирующегося на рационалистической парадигме жизнеустройства. Логично было предположить, что утверждение этой позиции нуждается в определенных *регулятивных* технологиях, сопровождающих субъектность как основной способ существования социального субъекта и социальным субъектом и включенных в нее. Психологическая модель безопасности, на наш взгляд, входит в разряд таких регулятивных технологий. В этом контексте, поставив проблему вычленения элементов психологической модели безопасности социального субъекта, было предложено понятие «психологическая техника субъектности», которую конкретизировали как элемент психологической модели безопасности «*переживание-проживание опасности/безопасности*».

Если допустимо считать, что понятия «опасность» и «безопасность» обладают психологическим статусом и принадлежат социальному субъекту, то мы можем говорить, что конкретно из относящегося к субъектности подлежит регуляции посредством психологической модели безопасности на операциональном уровне работы данной модели. *Моделирование* образов опасности и безопасности пойдет в нескольких направлениях.

Во-первых, в направлении формирования социальных представлений об опасности и безопасности — как целевая установка социализации и социального научения (1). В этом случае, мы говорим о формировании в индивидууме в ходе социализации «запроса» на переживание-проживание опасности/безопасности, качество и глубина которого варьируют в зависимости от того ресурса, который актуализируется социальным субъектом в той или иной среде его субъектной идентификации.

Во-вторых, в направлении налаживания механизмов, гарантирующих осуществление субъектности, направленностью которой выступает идентификация как особая регулятивная технология, разворачивающаяся в рамках субъектности социального субъекта (2). В этом случае мы говорим о структуре субъектности социального субъекта, включающей мотивационный и поведенческий блоки переменных, в которых сосредоточена и действует такая психологическая техника субъектности, как «переживание-проживание опасности/безопасности (элемент психологической модели безопасности), выполняющая роль регулятивного фактора субъектности.

В-третьих, в направлении организации самой субъектности как регулятивной активности социального субъекта, нацеленной на производство условий эффективного функционирования психологической модели безопасности (3). В этом случае мы говорим о создании условий для актуализации индивидуумом психологических кодов запроса на «опасность» и об обратной связи — об актуализации индивидуумом адекватных кодам опасности кодам безопасности. Одно из условий такой актуализации, производством которого занята сама субъектность социального субъекта как самостоятельная регулятивная деятельность, это — производство *ситуации опасности/безопасности (переживания-проживания опасности/безопасности)*.

Созданием запроса на опасность (1), ситуации опасности (2) и контролированием запроса на безопасность и ситуации безопасности (3) и увлечена субъектность как регулятивная деятельность социального субъекта и в этих аспектах подлежит эмпирическому психологическому изучению.

Главный интерес, на наш взгляд, представляет сам процесс производства ситуации опасности как *регулятивная деятельность* субъектов, вовлеченных в социальный сценарий жизни и как такая регулятивная деятельность, которая *запрашивается* ими самими. Запрос на опасность как ведущая мотивационная тенденция, выстраивает логику этой регулятивной деятельности, под-

сказывая, как могут выглядеть эталонная и действительная ситуация опасности. Поставляя потребителю согласованную с эталонной ситуацией опасности (продукт регулятивной деятельности), оцифровывают этой ситуацией запрос на опасность, который и должен воспроизводиться заново, поскольку запрашивать опасность — значит искать стимул к возобновлению усилий к идентификации, являющейся психологической максимой безопасности: только при переживании страха, угрозы, беспокойства (психологические индикаторы запроса на опасность) утверждается мотив выбора идентификации, достижение которой и отождествляется с переживанием-проживанием своих идентификационных границ как ситуации безопасности. Ситуация безопасности, таким образом, становится собственной инициативой, потребностью и целью субъекта.

Е. В. Землянская (Современные подходы к проведению судебно-психологических экспертиз): По нашему мнению, актуальность обсуждаемой темы определяется большим теоретическим и практическим значением, поскольку имеет использование специальных психологических знаний и методов научной психологии позволяет объективно устанавливать и оценивать психологические особенности, субъективные причины и внутренние механизмы конкретных поступков людей, вовлеченных в сферу уголовного и гражданского судопроизводства.

Подчеркнем, что СПЭ в своем развитии также достигла того этапа, когда ее предметом должны выступать не отдельные качества, психические процессы или состояния, а целостная личность участника события криминала или гражданского конфликта, психологический портрет которой является важным для установления объективной истины в уголовном и гражданском процессе. В исследовании личность рассматривается как субъект правосознания, разнонаправленного правового поведения (правопослушного и противоправного). Полемизируя с позицией тех исследователей, которые считают, что предметом экспертизы могут быть отдельные психические свойства, а не целостная личность, отметим, что именно личность как субъект, конкретный носитель всех содержательных, структурных и мотивационных характеристик целенаправленной активности в условиях межличностных и социальных конфликтов является центральной фигурой для эксперта-психолога. В СПЭ исследуется личность подэкспертного, который находится в системе межличностных взаимосвязей и взаимодействий с окружающим миром (социальной микро- и макросредой) и его ролевые позиции (подозреваемого, преступника, потерпевшего, свидетеля, гражданских истца и ответчика) в условиях досудебного и судебного следствия.

Опираясь на результаты наших исследований и опыт практической деятельности (33 года проведения СПЭ), сформулируем основные принципы СПЭ: принцип системности структурных компонентов правосознания,

принцип объективности детерминант делинквентного поведения, принцип субъективизации правовых понятий, принцип моделирования естественных и социальных ситуаций, связанных с преступлениями и правонарушениями, принцип негэнтропии (преодоления неопределенности), принцип экстраполяции — распространение выводов, полученных в результате исследования, одной части психического явления на другую его часть (определение перспектив ресоциализации личности). В процессе анализа учитывалась возможная виктимность, т. е. провокационность поведения участников конфликта.

Наши исследования показали, что системный подход к организации судебно-психологической экспертизы значительно повышает эффективность психологического изучения лица, которое оказалось в сфере криминального или гражданского судопроизводства.

В условиях СПЭ личность должна рассматриваться как целостная, динамическая, саморегулирующаяся система, особенности правопослушного или противоправного поведения которой нужно оценивать с учетом предыдущего онтогенеза и прогноза будущего поведения (степени социальной опасности, возможности ресоциализации и др.). Полученные данные должны быть научно обоснованы экспертом в выводе СПЭ и оказывать реальную помощь суду в вынесении адекватного решения. Психологическое обследование личности в СПЭ не должно быть сведено к использованию стандартного набора известных тестов, оно требует специальной разработки и использования экспертных комплексов теоретических и эмпирических методов, которые позволяют адекватно понять структуру личности подэкспертного в ее динамике и разнообразии связей с действительностью, которая его окружает. Они должны строиться в соответствии с принципом индивидуализации, т. е. с учетом: возрастных, гендерных особенностей личности; уровня сформированности и соотношения интеллектуальных, коммуникативных, регулятивных (эмоционально-волевых) процессов; мотивационно-целевой сферы; особенностей жизненного пути подэкспертного лица; системы его отношений с окружающим миром и людьми; присущих ему особенностей реагирования на сложные, эмоционально отрицательно насыщенные ситуации; характера профессии конкретной личности как носителя правосознания и субъекта целенаправленной деятельности.

А. В. Ковалева (Психолингвистическая экспертиза: анализ приёмов психологического воздействия в текстах экстремистской направленности): В последние годы в нашей стране, как и во всем мире, отмечается заметный рост экстремистских проявлений, что побуждает к разработке и организации эффективного противодействия этому негативному явлению. Одной из наиболее активно распространенных в последние годы в России форм криминального экстремизма является разжигание национальной, расовой, религиозной, социальной вражды, унижение человеческого достоинства с помощью

средств массовой информации, иной печатной, аудиовизуальной продукции, Интернета, а также публичных выступлений политиков, общественных, религиозных деятелей. Эти действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 282 Уголовного кодекса РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

У правоприменителей зачастую возникают значительные сложности при предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел данной категории. Эти сложности обусловлены недостаточной разработанностью теории судебных экспертиз и самой спецификой преступлений такого рода — деяния совершаются в подавляющем большинстве посредством устной или письменной речи, путем использования продуктов речевой деятельности, т. е. рукописной, печатной, аудиовизуальной продукции (а также невербальных средств коммуникации). Никаких иных объективных поведенческих признаков преступного деяния здесь не возникает.

Объективные признаки преступления заключены в самой публичной речи или публикации. Именно текст и невербальные компоненты обнародованных материалов являются главным предметом исследования и основным источником доказательств по делам этой категории. Предварительное определение смысловой направленности спорного текста является непременным условием юридической оценки деяния как противоправного. Однако правоприменители зачастую выстраивают доказательства, базируясь лишь на материалах и выводах судебных экспертиз, в которых анализируется смысловая направленность спорных материалов СМИ, публичных выступлений.

Отметим, что в случаях, когда объектом судебной экспертизы выступают тексты и невербальные компоненты, наиболее плодотворно для решения экспертных задач использование двух подходов — лингвистического и психологического. В настоящее время судебно-экспертная практика идет по пути как моноэкспертного подхода (преимущественно лингвистического), так и комплексного. При реализации последнего используются различные процессуальные формы. Распространенной формой является проведение комплекса моноэкспертиз, когда психологическая экспертиза проводится параллельно с лингвистической или вслед за ней. Чаще комплексная психолого-лингвистическая экспертиза фактически является комплексом моноэкспертиз (каждый эксперт подписывает свою часть экспертного заключения). Возникающие противоречия в нашей практической деятельности успешно разрешаются специалистами, поскольку достигнуто понимание, что предметная область психологической экспертизы шире лингвистической.

Объектами исследования судебно-психологической экспертизы по делам, сопряженным с экстремизмом, выступают вербальная и невербальная продукция (тексты, изображения, аудио- и видеозаписи), психологический анализ материалов уголовного дела, а также в ряде случаев обследование автора.

В рамках этого вида экспертизы решаются следующие задачи: установление смысловой направленности тестов и изображений, определение особенностей восприятия адресатом различных видов информации, установление наличия пропагандистской информации и использования приемов манипулятивного воздействия на сознание адресата. Предметом судебно-психологической экспертизы выступают продукты психической деятельности человека либо группы лиц, направленные на пропаганду ксенофобии, имеющие вербальный и невербальный характер.

Судебная лингвистическая экспертиза занимается исследованием исключительно продуктов речевой деятельности (слова, высказывания, тексты). Компетенция судебной лингвистической экспертизы по делам, сопряженным с вербальным экстремизмом, определяется исключительно предметной областью исследования — анализом языковых и речевых средств. Экспертами-лингвистами выявляются высказывания, в которых экстремизм или его разновидности каким-либо образом проявляются, а также оценочные высказывания ксенофобской направленности, дается толкование и интерпретация их семантики.

Таким образом, предмет и объект психологической экспертизы шире предмета лингвистической экспертизы. В рамках этого вида экспертизы предметом становится выявление приемов психологического воздействия, применяемых с целью формирования у аудитории вражды и ненависти к тем или иным этническим, расовым, религиозным или социальным группам и их представителям.

Наш опыт показывает, что перспективно использование коммуникативной модели Г. Ласуэлла, позволяющей в ходе психологической экспертизы прояснить основные смысловые категории, составляющие концептуальную схему исследования: психологическое воздействие, методы психологического воздействия, манипуляции; основные приёмы коммуникативного воздействия (убеждение и внушение).

В итоге сделаем вывод о том, что возможность противостоять используемым манипулятивным приемам имеет аудитория информированная, с устойчивой системой обоснованных взглядов, знающая технику манипулятивного воздействия и обладающая некоторым опытом целенаправленной социально-психологической защиты. То есть можно констатировать, что безопасности личности в социуме, повышению эффективности противодействия экстремистским проявлениям будут способствовать: совершенствование методического обеспечения, создание интеграционных методик комплексных судебных психолого-лингвистических исследований и подготовка соответствующих специалистов.

С. А. Сухих (Лингвопсихологические принципы анализа текстов в судебно-психологической экспертизе): В современной науке сосуществуют три эпистимологических ценности. Они задают сущностную, прагматическую

и гуманистическую парадигмы со своей феноменологией. В рамках утилитарно-прагматического подхода лингвopsихология открывает возможности решения прикладных задач судебной экспертизы типа: имеются ли в представленных материалах (протоколах, фонограммах) резкая негативная оценка или враждебное отношение не к отдельным представителям, а ко всей этнической группе; содержит ли текст высказывания со значением скрытого или явного воздействия на психику субъекта, находится ли субъект в состоянии, влияющем на адекватность восприятия высказываний в его адрес; содержит ли текст высказывания, выражающие оскорбление личности или унижающие честь и достоинство гражданина.

Несмотря на различные углы рассмотрения лингвистических конструкций, прикладная сфера предполагает использование единицы описания в зависимости от задач судебной экспертизы. В качестве методов исследования могут выступать операции по работе с содержательными единицами: интерпретация значения предложения через элементарные пропозиции; различение номинативных и предикативных комплексов, так как эта оппозиция указывает на динамичность/ригидность сознания.

Об эмоциональном состоянии коммуниканта может также сигнализировать употребление слов-паразитов, инверсированных фраз и их незавершенность. При эмоциональных помехах происходит сдвиг от левополушарной активности к правой, которая определяет преобладание клишированных форм выражения, конкретности лексических значений, образности, неологичности при вербальном конструировании. Если левое полушарие отвечает за образование речевых паттернов, то правое — за их механистичность выполнения. Депрессивность также может иметь лингвистические индексы — возрастание указательно-заместительных частей речи, служебной лексики, наречий, частиц. Повторяемость некоторых слов, как и повторяемость вообще, в том числе эхолаличность, есть вербализация как способ уменьшения состояния неопределенности. Ведь состояние неопределенности — один из атрибутов тревожного и депрессивного психоэмоционального состояния.

Активность и пассивность залога также может сопрягаться с некоторыми психологическими переменными. Пассивность может указывать на желание коммуниканта снять с себя ответственность за то, что утверждается в высказывании, или на экстернальность субъекта, т.е. склонность его к описанию мира сквозь призму внешних причин и личной безответственности, а также инфантильности сознания. Синтаксическая связь выступает индикатором особенностей ассоциативности мышления и когнитивной простоты-сложности. Тема-рематическое членение указывает на психическое состояние. Тенденция полиремного изложения, когда одной теме приписывается много разных рем, указывает на обсессивное, или навязчивое состояние сознания.

Сложность объективирования психологических механизмов речевых продуктов обусловлена слабой исследованностью сопряжения лингвистических и психологических переменных. В качестве релевантных лингвистических переменных отмечают длину предложения, номинативность/предикативность, абстрактность/конкретность лексики, активность/пассивность залога, сочинительность/подчинительность синтаксической связи предложений, типы темарематических прогрессий, наличие стилистических фигур, количество местоимений и наречий, коэффициент эпизодичности в нарративных структурах.

Прагмалингвистическая парадигма в лингвистике открывает новые возможности выделения единиц речевой активности: это типы речевых действий, особенности экспликации в тексте когнитивных структур темы коммуникации, языковые индексы, указывающие на типы отношений между партнерами.

Процесс манипуляции массовым сознанием СМИ может раскрываться с помощью контурного анализа воздействия на уровни психики коммуниканта и фантазийного анализа, использующего экспликацию связи символических средств с глубинным родовым опытом.

Однако остается большое количество вопросов. Как проявляются когнитивные стили в символической репрезентации? Как влияет содержание бессознательного на символическое конструирование? Какие формально-содержательные индикаторы языка психологически релевантны? Ответы на эти вопросы позволят более объективно проводить судебную психолингвистическую экспертизу.

Т. А. Цергой, Е. А. Сокур (Комментарии к вопросам, выносимым на комплексное психолого-лингвистическое исследование): Судебная экспертиза и такие ее разновидности, как психологическая и лингвистическая, определяются и регулируются Федеральным законом № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. Объединение различных видов экспертизы образует комплексную судебную экспертизу. По нашему мнению, данный вид экспертиз отражает современный многоаспектный научный подход, интегрирующий разные парадигмы знания и в настоящее время наиболее востребованный в гражданском и уголовном праве.

В качестве объектов экспертизы выступают материальные носители информации о фактах и событиях. Сегодня отмечается достаточно большое разнообразие материалов, представляемых на исследование. В соответствии с этим возрастает актуальность обсуждения вопросов, которые ставятся перед экспертом, и качества материалов, выставляемых на исследование, при проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы.

В последнее время значительно возросло количество экспертиз по делам об экстремизме. Объектом судебно-экспертного исследования в данном случае является текст. В подавляющем большинстве исследований корпус вопросов определяется ФЗ «Об экстремистской деятельности» (докладчики привели перечень наиболее часто встречающихся вопросов по этой категории дел).

Таким образом, чтобы быть признанным экстремистским, текст должен содержать призывы или побуждения (т. е. речевые акты, имеющие определенные формы, способы своего выражения на лингвистическом уровне) к экстремистской деятельности в любых ее формах. Однако на сегодняшний день открытый призыв к экстремистской деятельности встречается в материалах крайне редко, более того, и косвенная форма призыва используется далеко не всегда. Чаще всего воздействие осуществляется на глубинном уровне путем умелого манипулирования всеми необходимыми средствами языка, чтобы внушить необходимые идеи, поскольку большая часть глубинной структуры высказывания неосознаваема, она отражает внутреннее переживание того, о чем идет речь. Именно на глубинные структуры ориентировано нейролингвистическое программирование (НЛП), а также другие психологические техники, направленные на то, чтобы сравнительно быстро произвести глубокие и устойчивые изменения любой человеческой активности. В связи с этим считаем неконструктивным использование только указанных вопросов. В качестве рекомендаций лицам, принимающим решение о вынесении постановления о назначении соответствующего исследования, было предложено до вынесения постановления представлять материал на рассмотрение специалистам и, главное, допускать возможность изменения привычного круга вопросов по подобным делам.

Также полагаем, что необходимо активнее использовать материалы, иллюстрирующие обратную связь и общественную значимость экстремистских высказываний (комментарии в Интернете, отзывы в прессе и т. д.). Особенно важны исследования обратной связи в качестве доказательства публичности экстремистских высказываний в случае, если в исследуемом тексте отсутствуют прямые призывы к экстремистской и террористической деятельности, поскольку именно в комментариях они часто трансформируются уже в прямые угрозы.

В последнее время в практике проведения судебных комплексных психолого-лингвистических экспертиз намечается тенденция расширения круга дел (и соответственно вопросов, выставляемых на исследование), по которым проводятся исследования. Например, в ходе проведения экспертиз нам пришлось столкнуться с совершенно новым видом комплексной психолого-лингвистической экспертизы (по уголовным делам), проводимой по видеозаписи допроса, в которой перед экспертами ставятся вопросы относительно признаков физического или психического давления на подсудственного со стороны следо-

вателя либо иных лиц. Здесь от эксперта требуются особые знания и умения в оценке процедуры проведения самой видеозаписи допроса, вопросов, которые ставятся перед экспертами.

В итоге обозначим, что комплексная психолого-лингвистическая экспертиза — один из актуальных и востребованных сегодня видов судебных экспертиз, требующий особого внимания и новых подходов к развитию теории и практики таких исследований.

А. А. Таганова (Психологические аспекты определения морального вреда в гражданском судопроизводстве): Судебно-психологическая экспертиза по делам о моральном вреде — новый вид экспертизы, сравнительно недавно появившийся в нашей стране. В связи с его новизной и фактическим отсутствием опыта, инструктивных и методических материалов суды склонны присуждать либо отказывать в присуждении морального ущерба практически интуитивно, руководствуясь не доказательной базой, а своими представлениями о том, что такое моральный вред и каковы его признаки. В действительности, только используя специальные психологические знания, можно установить наличие либо отсутствие признаков причиненного личности морального вреда.

Остановимся на современной интерпретации морального вреда. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями, посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Открытый перечень охраняемых законом неимущественных благ приведен в ст. 20-23 Конституции РФ и ч. 1 ст. 150 ГК РФ.

Таким образом, общее понятие «моральный вред» представлено двумя видами страданий — физическим и нравственным. Поскольку понятие «страдание» входит в категориальный аппарат психологии, то феноменологическим установлением его наличия (или отсутствия), а также степени выраженности должны заниматься лица, обладающие специальными знаниями именно в этой области науки. Специальные знания эксперта при производстве экспертизы — это система психологических, теоретических и методологических знаний о закономерностях и особенностях динамики и структуры психической деятельности пострадавшего, о ее изменениях, имеющих юридическое значение.

В рамках гражданского процесса по делам о компенсации перед психологом стоит задача квалификации феномена «морального вреда» с помощью соответствующих средств, методов и категорий, через установку и анализ негативных изменений психической деятельности потерпевшего.

Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда может быть проведена как в отношении причинителя вреда, так и в отношении пострадавшего. Задачей диагностики причинителя вреда является установление его способности правильно оценить ситуацию, принять правильное решение и реализовать его. Судебно-психологическая экспертиза в отношении пострадавшего ставит своей задачей выделение и диагностику психологических элементов понятий «моральный вред» и «нравственное страдание». Психологический компонент включает следующие группы факторов, которые необходимо исследовать для определения степени морального вреда и причиненных страданий индивида:

— связанные с особенностями психологической травмы: сила действия травмирующего фактора; продолжительность действия и временной период, прошедший с момента причинения страдания до рассмотрения дела в суде (травмирующий фактор на языке психологии называется стрессом);

— связанные со свойствами личности индивида, которому причинена травма: его психическими процессами и состояниями до травмы; качества, способствующие тому, что индивиду причинены страдания; качества, определяющие способность индивида пережить страдания (например, эмоциональная устойчивость, психофизиологическая зрелость, развитость психологических защит личности) или его повышенную чувствительность к ним; качества, определяющие уровень притязаний и поведение индивида во время рассмотрения дела;

— связанные со свойствами личности правонарушителя, его психическими процессами и состояниями: качества, способствующие причинению моральных страданий, осознанность или неосознанность поступка и его последствий.

Судебно-психологическая экспертиза не выявляет наличие или отсутствие морального вреда как такового, а также не определяет степень вины причинителя вреда и размер компенсации, подлежащей взысканию. В то же время только с ее помощью и возможно это сделать действительно научно и обоснованно, поскольку к задачам СПЭ морального вреда относится установление наличия переживаемых истцом психических страданий, степени (интенсивности, глубины и т. п.) этих переживаний, а также причинно-следственной связи между ними и действиями ответчика. Таким образом, в делах о компенсации морального вреда эксперт-психолог может оказать суду существенную помощь в выявлении признаков причиненного личности психологического ущерба.

Ю.Э. Макаревская (Формы подготовки студентов-психологов к экспертной деятельности (на примере лабораторного практикума с использованием полиграфа): Экспертная деятельность в настоящее время рассматривается как важная составляющая профессиональной деятельности специалиста-психолога. Современный профессионал-психолог начинает вовлекаться

в те сферы экспертной деятельности, к которым его до настоящего времени не готовили в достаточной степени (к таким, например, как психологическая экспертиза в гражданском или уголовном процессе или инженерно-психологическая экспертиза и др.).

Теоретически сегодня уже определены наиболее общие признаки (например, специфика задач, критериальные характеристики, организация и процедура проведения и т. д.), объединяющие различные психологические процедуры и технологии, которые позволят выделить их как истинно экспертные работы, но проблема подготовки специалистов к этому виду профессиональной деятельности остается.

Сложность экспертной деятельности предъявляет особые требования к уровню подготовки лиц, ее осуществляющих. Эксперт должен быть подготовлен не только теоретически, но и технологически. Поэтому современные программы подготовки психологов, готовящихся к экспертной деятельности, должны включать теоретическое освоение методологии соответствующих наук и тренинг экспертных умений, навыков и компетенций. Полагаем, что основы обучения экспертной деятельности можно закладывать еще в период вузовской подготовки специалистов.

Понятно, что студенты еще не имеют достаточного опыта практической деятельности для осуществления психологической экспертизы, поэтому именно в этом аспекте необходимы дополнительные аудиторные и неаудиторные нагрузки. В рамках разработки учебных планов и рабочих программ подготовки психологов-бакалавров и психологов-магистров обозначенные проблемы сохраняются, только преобразуются в проблему формирования компетенций.

Несомненный интерес в этом вопросе могут представлять спецкурсы и практикумы, сохраняющиеся и в стандартах нового поколения. В ходе специально организованной работы в рамках учебного курса, в процессе реальных учебно-профессиональных интеракций и общения студент будет иметь возможность приобрести необходимые для экспертной деятельности компетенции и способность к профессиональному саморазвитию в этом направлении.

Наши наблюдения и практика работы со студентами в рамках спецкурса «Основы психологической экспертизы» (специальность 030301 — «Психология, СГУТиКД») показали так называемые слабые места в подготовке студентов к экспертной деятельности. В основном студенты испытывали трудности:

- с грамотным составлением плана беседы с подэкспертным;
- с подготовкой интегративного заключения и разработкой психологического портрета подэкспертного по результатам диагностики;
- с четкостью формулировки выводов.

Такие навыки, как ведение предтестовой беседы, управление мотивацией обследуемого, наблюдение за невербаликой подэкспертного, гибкость реагиру-

вания на ситуативные реакции подэкспертного, ретроспективный психологический анализ информации о личности, поведенческий прогноз и др. вообще оказались незатронутыми при выполнении лабораторного практикума по основам психологической экспертизы.

В настоящее время развитию обозначенных профессиональных навыков и компетенций могут способствовать инновационные формы организации учебного процесса. Особый интерес, на наш взгляд, представляет использование интерактивных методов обучения и выстраивание самого учебного процесса как модели реальной профессиональной деятельности (естественно, в рамках дисциплин позволяющих это осуществить). В учебных интеракциях значительное место могут занимать проектирование и моделирование ситуации, выполнение должностной роли, разыгрывание ролей (элементы ролевой игры) и др.

Важную роль в организации учебных интеракций играют аппаратные практикумы, где у студентов появляется реальная возможность думать, делать, взаимодействовать, овладевать навыками обращения с аппаратурой, формировать и развить профессионально важные качества.

В настоящее время на базе лаборатории кафедры общей психологии и социальных коммуникаций (СГУТиКД) в рамках лабораторного практикума «Основы психологической экспертизы» с целью подготовки студентов-психологов к экспертной деятельности реализуется лабораторная работа с использованием прибора медико-биологического класса — компьютерного полиграфа «РИФ».

При выполнении лабораторной работы «Оценка достоверности воспроизведения информации методом опроса с использованием полиграфа» студенты узнают общие принципы организации обследования по запросу с использованием этого прибора. В работе использованы такие формы познавательной, учебной и интерактивной деятельности, как моделирование, ролевое распределение и проигрывание, наблюдение, прогнозирование, отработка конкретных навыков и компетенций студентов.

Считаем, что организованный таким образом учебный процесс может стать основным звеном подготовки студентов к экспертной деятельности. Эффективность формирования заданных компетенций может быть подтверждена или поставлена под сомнение после анализа и обобщения достаточного количества образцов экспертной деятельности, создаваемых самими студентами в процессе освоения конкретных дисциплин.

А. Ш. Гусейнов (Деструктивный протест подростков и молодёжи как фактор угрозы безопасности личности): Исследование проблемы протеста востребовано в связи тем, что в нашей стране протестная активность стихийна, неуправляема и опасна. Реакции оппозиции типичны для подростков.

Моральные предпосылки протеста — отсутствие национальной идеологии; пренебрежительное отношение к прошлому Родины, одновременно с превознесением демократических ценностей, провоцирующее и разрыв поколений, и размыв ценностей семьи. Негативное отношение молодежи к старшим иногда провоцируют телевидение, кино и Интернет.

Протест определяется нами как субъективное переживание личностью угрозы потери благ, свободы, достоинства и ценностей и проявляется в виде устойчивых личностных особенностей или ситуативных реакций, направленных на устранение этой угрозы.

Цель исследования, выполняющегося при поддержке РГНФ, грант № 10-66-38645 а /Ю, заключается в выявлении особенностей проявлений протеста у подростков как негативного фактора, создающего угрозу безопасности личности.

Т. Гарр указывает на относительную депривацию, т. е. чувство недовольства, возникающее у людей, при сравнении своего положения со статусом других, имеющих больше благ. Протест тем выше, чем больше ожидания, подстегиваемые сравнениями субъектов друг с другом.

Методологическим основанием исследования послужила концепция Т. Гарра, а также модель протестного поведения, разрабатываемая нами. В основе нашей модели лежит представление о том, что протестная активность возникает в моменты жизненных кризисов. Эскалация протеста наблюдается в периоды обострения противоречий между привязанностью к важным объектам и стремлением к самостоятельности, когда личность стремится от зависимости к независимости.

В эмпирическом исследовании личностных особенностей подростков, склонных к протестному поведению, использованы: опросник ППА «Протестное поведение личности» (А. Ш. Гусейнов); Индекс жизненного стиля Келлермана — Плутчика, тест «Копинг-стратегии» С. Хобфолла, опросник «Мини-мульти», опросник А. Басса и А. Дарки, социометрия. Опрошено 150 школьников г. Краснодара в возрасте от 13 до 16 лет. Применен корреляционный анализ по Спирмену, учитывались только значимые ($p < 0,05$) связи.

Выявлена значимая прямая связь между показателями протеста и показателями примитивных психологических защит: регрессией, компенсацией, проекцией, замещением. Установлены положительные связи показателей протеста со шкалами методики «Мини-мульти»: депрессии, истерии, импульсивности, паранойяльности, психастении, шизоидности, гипомании. Наличие этих связей свидетельствует о внутрличностном конфликте. Подростки с протестными установками проявляют ответственность, чувство долга и достоинства, независимость, активны в отстаивании своих позиций. В то же время они оппозиционны, не уверены в себе, обидчивы, стремятся заслужить любовь

окружающих; эмоционально незрелы, увлекаемы новыми идеями и зависимы от авторитетов. Показатели агрессии по опроснику А. Басса и А. Дарки у подростков завышены. Выявлены положительные связи показателей протестных установок по 9 из 10 шкал методики Басса — Дарки. Протестные подростки агрессивны, склонны к вербальной и физической агрессии, недоверчивы, вспыльчивы. Обнаружены тесные связи показателей протеста и неэффективных копинг-стратегий: избегание, непрямые действия, асоциальные действия, агрессивные действия. Наблюдается тенденция к отрицательной связи протестных установок с показателем статуса ($p < 0,10$). Низкий статус может негативно влиять на общую психологическую удовлетворенность личности, в свою очередь, обуславливая протест подростков.

Таким образом, подростки с протестными установками неуспешны в социальном взаимодействии, не могут адекватно оценивать себя и искаженно воспринимают других, агрессивны, применяют неконструктивные копинг-стратегии, зависимы от авторитетов и могут быть легко вовлечены в деструктивные группы, что позволяет говорить о протесте как негативном факторе, создающем угрозу личностной безопасности.

Т. А. Цергой (Уровень развития социального интеллекта как фактор, влияющий на психологическую безопасность личности): В начале выступления сразу обозначим свое понимание конструкта «психологическая безопасность личности». Под психологической безопасностью личности можно понимать состояние защищенности психики от негативных факторов, способствующее формированию адекватной ориентировочной основы социального поведения человека, конструктивных отношений к миру и к себе, в целом его сохранность и целостность как развивающегося социального субъекта. Антонимом безопасности личности является опасность — наличие угроз, действие сил, являющихся дисфункциональными, дестабилизирующими, деструктивными по отношению к человеку. Существуют внешние и внутренние угрозы, наиболее значимые для личности и выделяемые большинством исследователей.

Анализ угроз и их источников позволяет выделить факторы психологической безопасности личности: способность к критичному анализу информации, неконформность, стрессоустойчивость, приверженность этическим ценностям, целевая и ценностная определенность, самостоятельность мышления и поведения, реальный социально-коммуникативный опыт и др. Указанные и иные факторы обеспечивают человеку получение в достаточном объеме данных для ориентации в жизненных ситуациях, что, как известно, является одним из необходимых условий для социально-психологической адаптации личности, ее приспособления к происходящим общественным изменениям.

Сказанное позволяет в качестве комплексного фактора психологической безопасности личности рассматривать социальный интеллект. Под социаль-

ным интеллектом понимают способность человека правильно понимать поведение людей, необходимая для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации. Как интегральная интеллектуальная способность, социальный интеллект объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов: социальную чувствительность, социальную перцепцию, социальную память и социальное мышление.

Тот факт, что практически все ученые в структуре социального интеллекта выделяют качества, характеризующие знания, познавательные способности (в том числе способность находить, анализировать и интерпретировать социальную информацию), способности оценивать информацию и предвосхищать события, теоретически подтверждает правомочность рассмотрения интеллектуального интеллекта как внутреннего фактора психологической безопасности личности.

Опираясь на теоретические исследования, можно считать, что об отсутствии психологической безопасности личности свидетельствуют следующие признаки: 1) внутренние: тревожность, психологическая напряженность, неуверенность; чувство незащищенности, страх; 2) внешние: неадекватность социального поведения, проявляющаяся в том, что человек попадает в ситуации, опасные для его жизни и здоровья (подвергается насилию, добровольно оказывается в эпицентре техногенных и природных катастроф и т.п.) либо становится участником асоциальных или антисоциальных групп и т.п. Для подтверждения взаимосвязи между уровнем социального интеллекта и психологической безопасностью личности было (по внешним признакам) проведено обследование группы респондентов, в которую вошли женщины, подвергшиеся сексуальному насилию, и граждане, позитивно откликнувшиеся на экстремистские призывы в прессе и Интернете.

В процессе исследования у респондентов вначале были измерены показатели, субъективно характеризующие неблагополучие личности в контексте ее психологической безопасности: уровень тревожности (методика Дж. Тейлора); стрессоустойчивость и социальная адаптация личности (методика Холмса и Раге); уровень социальной фрустрированности (методика Л.И. Вассермана в модификации В.В. Бойко); степень удовлетворения основных потребностей (методика Д.Я. Райгородского). Уровень социального интеллекта отобранных респондентов оценивался по методике Дж. Гилфорда. Была проведена также экспресс-диагностика характерологических особенностей личности (Н. Айзенк в модификации Т.В. Моталиной).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что несформированность социального интеллекта, социальная незрелость существенно снижают психологическую безопасность и, как следствие, физическую безопасность личности. В связи с этим представляется чрезвычайно важным разработка и вне-

дрение в практику действенных психолого-педагогических средств и методов развития социального интеллекта, прежде всего подрастающего поколения, поскольку именно молодежь ввиду недостаточного жизненного опыта, несформированности целостной системы ценностных ориентаций и т. п. составляет в контексте обеспечения психологической безопасности основную группу риска в современном информационном обществе.

В. В. Шиповская (Личностная беспомощность как показатель эмоционального неблагополучия граждан, проживающих в домах престарелых: гендерный аспект): Ситуация старения для каждого человека является личностно чрезвычайно значимой, поскольку возникает единовременно как становление нового пространства жизни и сопряжена с формированием новых жизненных стратегий и личностной трансформацией. Исследователи неоднократно пытались понять, связана ли беспомощность с неизбежным старением и какие внешние и внутренние факторы ее обуславливают.

Ситуационные факторы беспомощности в период старения представляются достаточно весомыми, поскольку этап поздней взрослости сопровождается постоянным изменением личностного и социального статуса: вынужденный уход с работы, утрата высокого поста, выраженное ухудшение здоровья и другие негативные события (смерть супруга, близких родственников). Кроме того, в настоящее время в российском обществе наблюдается трансформация отношений младших возрастных групп к старшему поколению в направлении от традиционно почтительного к нетрадиционному и нехарактерному для российского менталитета — отвергающему, порицающему, осуждающему. В массовом сознании (как в скрытой, так и в явной форме) формируется отношение к старикам как к людям беспомощным, неспособным себя обеспечить и защитить. Экономическое положение престарелых людей, часто лишенных самого необходимого, оставляет желать лучшего. В общественном сознании россиян распространено мнение, которое характеризуется стратегией вытеснения старости из сферы доступа к престижным ценностям, власти, работе, культуре, благодаря СМИ появился термин «период дожития».

Предполагаем, что беспомощность как бы навязывается пожилым людям, поскольку само общество не может гарантировать им работу и достойный уровень жизни. Также наблюдается снижение роли семьи, когда пожилой человек не только не получает достаточно любви, уважения и заботы близких, но и постепенно вытесняется из семьи. Кроме отмеченных внешних факторов, большое значение приобретают внутренние индикаторы беспомощности, обусловленные личностной диспозицией пожилого человека. В итоге довольно часто пожилому человеку приходится делать сложный выбор: остаться в конфликтной, негативной семейной обстановке или уйти в дом престарелых. Последний вариант для многих людей уже не кажется пугающим и необычным, несмотря на неопределенность собственных перспектив.

В период с 2008 по 2010 г. нами проведено сравнительное исследование в нескольких домах престарелых Краснодарского края. Исследовано 150 пожилых людей в возрасте от 65 до 90 лет. Цель исследования — выявление внешних и внутренних факторов личностной беспомощности в позднем возрасте.

Установлено, что для большинства пожилых людей проживание в стационарном учреждении является сильным стрессорным воздействием в связи с утратой прежнего семейного статуса и отсутствием привычных социальных ролей. Новые условия микроокружения нередко воспринимаются пожилыми людьми негативно, что усиливает переживания одиночества, безнадежности, обуславливает развитие пессимизма и личностной беспомощности, которые приводят к депрессии. Обнаружена положительная взаимосвязь показателей одиночества и беспомощности. Мужчины и женщины неодинаково переживают процесс старения. Женщины в большей степени испытывают недовольство условиями проживания, труднее приспосабливаются к новым ситуациям, чаще оценивают своё здоровье как неудовлетворительное, острее мужчин переживают разлуку с семьёй, у них чаще наблюдается личностная беспомощность. Женщинам труднее приспособиться к новым условиям в связи с утратой привычных социальных ролей в семье, отсутствием роли хозяйки и заботливой бабушки. Вместе с тем некоторые мужчины сильно переживают одиночество и демонстрируют устойчивую личностную беспомощность, вплоть до деперсонализации. Это связано не только с вынужденной сменой социальной роли, утратой реального авторитета, но и с низким материальным статусом, отсутствием дружеской компании, которые продолжают играть важную роль в жизни мужчины.

Отрадно заметить, что долгожители в меньшей степени, чем 60-70-летние респонденты, ощущают социальную изолированность и личностную беспомощность. Эти лица, несмотря на слабеющие силы и пребывание вне семьи, оптимистичны и общительны, увлечены хобби, что косвенно свидетельствует о связи долголетия с мудростью. Высокие показатели по шкале оптимизма могут служить одним из диагностических показателей адаптированности личности в старости. Обнаружено, что большинство пожилых людей рассматривают доверительные отношения с родственниками как один из важных источников удовлетворённости жизнью. Поэтому для предупреждения личностной беспомощности необходимо качество эмоциональной поддержки со стороны родственников, ощущение у пожилых людей востребованности их жизненного опыта, которое поддерживает их чувство достоинства. Деятельный стиль жизни, самостоятельность в принятии решений, социальные связи, оптимизм, уважение и почтение со стороны микро- и макросоциума выступают главными условиями эмоционального благополучия в старости.

Е. А. Щербаква, Ф. В. Мальчинский (Безопасность полетов: человеческий фактор в профессиональной деятельности военного летчика):

Решение проблемы человеческого фактора в авиации начинается с профессионального психологического отбора кандидатов на зачисление в военный летный вуз. Отбор основан на выявлении профессионально важных качеств летчика (ПВК), включающих в себя пять групп: личностную, интеллектуальную, психофизиологическую, физиологическую, физическую.

Теоретические положения концепции профессионального психологического отбора военных летчиков были разработаны рядом авторов (В. А. Пономаренко, Д. В. Гандер и др.) в 1980-х гг. Современные исследования в области изучения эффективности и надёжности специалиста в условиях военной летной профессиональной деятельности (В. В. Козлов и др.) отмечают особую роль человеческого фактора. Человеческий фактор — это совокупность индивидуальных и присущих летному контингенту в целом свойств и качеств личности, которые проявляются при взаимодействии с авиатехникой в конкретных условиях, обуславливая его эффективность и надёжность.

Анализ авиационных катастроф за последние 5-10 лет, показывает, что ошибка летчика очень часто не связана с его профессиональной неподготовленностью, что ошибку определили другие мотивы, которые нашли благодатную почву в структуре его личности. Следовательно, при проведении профессионального психологического отбора у абитуриента военного летного вуза не были выявлены те качества личности, которые негативно влияют на всю структуру ПВК летчика. До определенного момента они не проявлялись и находились в дремлющем состоянии. Практическим подтверждением этого положения является тот факт, что профессиональное долголетие не у всех летчиков одинаково. Целью исследования было выявление статистически значимых различий между личностными характеристиками действующих летчиков ($n = 77$) и летчиков, списанных с летной работы по состоянию здоровья ($n = 10$). Все респонденты — мужчины в возрасте 27-32 лет.

Приведем наиболее значимые теоретико-практические выводы.

Оценка профессиональной пригодности будущего летчика должна носить пролонгированный характер. Тогда, более детально изучая личность, можно выявить на ранних этапах профессионализации качества, которые будут негативно влиять на всю структуру личности будущего специалиста и снижать его профессиональную надёжность в случае их развития.

Обе категории летчиков имеют средний уровень агрессии, предпочитают физическую форму ее проявления, чувство вины как форма проявления агрессии не выражена; они уравновешены в полярных проявлениях самоуверенности — чувства вины, консерватизма/радикализма, коммуникативные свойства развиты на среднем уровне. Различия: действующие летчики представляют целостную личность, ответственную за себя, свои достижения, реализацию своих намерений, добродушны, не обращают внимания на физические недомогания. Для летчиков, списывающихся по состоянию здоровья, характер-

ны сниженная психологическая зрелость, перекладывание ответственности за свою жизнь на других, озабоченность состоянием своего здоровья.

С позиции экзистенциального подхода у положительных качеств личностной группы ПВК есть обратная сторона: жизнелюбие имеет обратным себе одиночество и суицидальную направленность; моральная нормативность — асоциальное поведение; ответственность, инициативность — вину. До настоящего времени традиционная система профессиональной подготовки не учитывала это обстоятельство.

Самоуверенность как личностная особенность является обратной чувству вины: чем выше самоуверенность, тем выше чувство вины и наоборот. Ощущение дискомфорта при увеличении чувства вины служит сдерживающим фактором роста самоуверенности. Снижение чувства вины может осуществляться при снижении самоуверенности. В соответствии с этим можно предположить, что чувство вины выступает внутренним регулятором самоуверенности. Спокойствие, жизнерадостность как ПВК военного летчика могут проявиться при невыраженных самоуверенности и чувстве вины.

С целью профилактики отклоняющихся форм поведения, в том числе профессионального, считаем возможным в дальнейшем дополнить систему профессионального психологического отбора выявлением личностных особенностей, обратных положительным ПВК и структуры.

Г. Ю. Фоменко: Уважаемые коллеги! Спасибо за содержательные выступления, думаю, что они расширили и уточнили предметное поле психологии безопасности. Главная цель нашего круглого стола выполнена и, надеюсь, что мы ещё не раз встретимся для обсуждения интересующих нас вопросов.